

Для цитирования: Баррьентос Растрохо Х.
Философская практика как опыт
и путешествие // Социум и власть. 2019. № 4 (78). С. 45—61.

УДК 101.8 + 101.9

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА КАК ОПЫТ И ПУТЕШЕСТВИЕ¹

Баррьентос Растрохо Хосе
(*Barrientos Rastrojo José*),

доктор философии, профессор
Севильского университета (Севилья, Испания)
Despacho P-213 (Departamento Metafísica,
Corrientes Actuales de la Filosofía,
Ética y Filosofía Política), Universidad de Sevilla, C/S.
Fernando, 4, C.P. 41004-Sevilla, España.
E-mail: barrientos@us.es

Аннотация

В статье автор анализирует философские концепции, лежащие в основе философской практики, которые объединяются их общим применением, пронизанным тенденцией сближения аналитического, концептуального и дискурсивного. Автор обосновывает необходимость профессиональной подготовки философа-практика, чтобы он обучался не столько техникам и инструментам, сколько постигал суть самой философии. На нескольких примерах автор показывает связь философского содержания и прикладного аспекта философской практики. Работа с опытом субъекта усиливает эффект воздействия философской практики: опыт соответствует эпистемологии аналогии; философия опыта не сводится к дискурсивным или логико-аргументированным концептам, но открывает доступ к альтернативным путям познания; философия опыта запускает процесс последовательной внутренней трансформации субъекта; философия опыта задействует онтологический (метафизический) уровень постижения бытия, стоящий гораздо выше психологического, антропологического и личностного.

Ключевые понятия:

прикладная философия,
философская практика,
философское консультирование,
критическое мышление,
феноменология опыта.

¹ Перевод с испанского выполнен Н. М. Глушковой и С. В. Борисовым в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

«Философы-практики должны воспринимать свою науку всерьез и всячески избегать ее краткого изложения, неправильного толкования и представления ее тем, чем она не является. Воспринимать философию всерьез — значит быть верным ее целям. Философ-практик, который считает, что его дисциплина не относится к жизни, несерьезно относится к своей профессии, не верит, что эта наука учит ценить мудрость и всецело отражает жизнь. Он может подражать теориям, взятым из других дисциплин, вроде психологии или теорий New Age, полагая, что его статус философа привносит нечто новое в дискуссию. Несмотря на это, не каждая беседа с философом может считаться философской» [1, р. 429].

1. В чем видится присутствие философии в индивидуальных консультациях и групповых практиках?

1.1. Ситуации для осмысления

Вызывает неподдельную радость широкая поддержка и ярко выраженная потребность в «прикладной философии»² и «философии для детей» среди зарубежных специалистов в сфере высшего образования, а также среди ученых-философов. Это особенно актуально для настоящего времени, когда подвергается сомнению социальное значение философии. В этом проявляется глубокий интерес представителям смежных наук (педагогике, психологии, теологии), так и более отдаленных областей знания (медицины, менеджмента, правоведения, криминологии, инженерного дела)³.

В то же время радость смешивается с беспокойством при мысли о риске растворения, исчезновения самой *сути* философии в ходе занятий и семинаров. Это может

² Автор статьи употребляет понятие «прикладная философия» (*Filosofía Aplicada*) в узком значении как синоним понятия «философская практика» (*Philosophical Practice*) (*прим. переводчика*).

³ Питер Раабе организует дополнительные курсы по философии для студентов различных специальностей психологии в университете Симона Фразера в Канаде [54]. Кроме того, такие учреждения, как Мексиканский университет Васко де Кирого (*Universidad Vasco de Quiroga de México*), организации философов-практиков США (APPA), Португалии (APAEF и APEFP) и Италии (SICOF) также осуществляют расширенную философскую подготовку для представителей всех нефилософских специальностей. Подобная активность порождает противоречивое радостно-тревожное чувство, уже испытанное автором статьи в таких странах как Япония, Бразилия, Португалия и др.

происходить в силу элементарного незнания участниками истории философских идей и основных инструментов философии (логики, диалектики, эпистемологии). Ран Лахав, организатор первой международной конференции по философской практике, следующим образом выражает это беспокойство в отзыве о последнем форуме: «Что касается меня, я признаю важность многих представленных в Мексике работ. Но прошу, давайте не будем называть “философией” то, что на данный момент лишь очень отдаленно напоминает философию в соответствии с ее исторически сложившейся миссией» [40]. Я разделяю также тревогу, выраженную Феликсом Гарсия Морионом (Félix García Moriyón), прославленным специалистом в области «философии для детей» (в прошлом президент Международного совета философских исследований с детьми (International Council of Philosophy Inquiry for Children)), которая прозвучала в речи на Латиноамериканском конгрессе философии для детей в 2015 г. После завершения практических презентаций по философии для детей Феликс и я поставили перед участниками конгресса вопрос о философской природе их деятельности. Ответы были аналогичны тем, что я получил несколько недель назад в ходе философского семинара, который проводила один психолог из Мексики. Молодая женщина-психолог определила свое мероприятие как философское на основании двух критериев: во-первых, потому что занятия проводилось в форме диалога, и, во-вторых, потому что использовались философские понятия. Я спросил ее, была ли у диалога какая-то специфическая черта, чтобы называть его философским. Докладчица, проводя отличную психологическую практику с группами, подчеркнула, что к философии может быть отнесено разве что умение осуществлять родовидовое деление понятия «свобода». Меня это позабавило. Однако что делать в случае, если представители педагогики или психологии, вовсе не используют диалог как ключевой философский инструмент, а просто апеллируют к философским понятиям, выстраивая на них свою практику? Питер Раабе отмечает в связи с этим, что эти науки просто «берут взаймы» у философии, иногда даже не осознавая этого [54]. В то же время, при таком положении дел, почему бы и диалог не превратить в инструмент для целей этих «нефилософских» наук. Я нахожу подобное компромиссное решение несостоятельным, поскольку оно демонстрирует плохое знание психологами

и педагогами истории философских понятий и идей.

В ответ на наш вопрос о философской природе диалога, используемого в ходе семинаров, можно было, например, указать что-то из нижеследующего: в процессе диалога постепенно проявляется его онтологический смысл, диалог перестает быть простым разговорным средством [33; 34], собеседники оперируют словами, имеющими изначально инструментальную функцию, чтобы, в конце концов, постичь суть проблемы [27], в ходе беседы участники пытаются увидеть преимущества критической составляющей диалога по сравнению с инструментальной, при этом наблюдается освобождение от идеологических штампов [26; 34], диалог интересен не столько своим содержанием, сколько неповторимой речевой формой, созданной общностью участников [45—47; 56—58], цель диалога состоит в поиске истины, выраженной в понятиях, посредством анализа сообщества участников диалога [44], посредством феноменологической редукции обретается эйдос [35], происходит наглядная демонстрация поиска алетей [31]. Основание диалога должно быть выбрано изначально, но не в силу какого-то личного предпочтения и не в качестве спасительного ответа на неудобный вопрос критика. Данное философское основание должно проявляться во всем в ходе семинара. Но реально ли надеяться, что такое глубокое философское знание составляет багаж лицензированного специалиста-психолога, который в течение нескольких месяцев (или даже года) обучался «прикладной философии»? Ведь при организации семинара или мастер-класса, посвященного работам Гадамера, Хайдеггера, Аристотеля или Рорти такое глубокое знание необходимо.

Тот факт, что такие «скороспелые» специалисты участвуют в философских конгрессах, как было показано выше, влечет за собой их обманчивую уверенность в правоте собственной позиции, а это, в свою очередь, приводит к изолированности и оторванности этой позиции от жизненных реалий. Соответственно, возникает вопрос о переносе подобной ситуации на другие профессии: интересно, сколько философов, архитекторов или педагогов посещают конгрессы по биохимии? Как же тогда объяснить, что такое количество профессионалов в других областях становятся участниками семинаров по философской практике? Чем можно объяснить тот факт, что они участвуют здесь не только как слушатели, но и как квалифицированные специалисты,

выступающие с докладами по философской практике? Не приведет ли это к тому, что впоследствии философской станут называть любую практику, основанную на поверхностном знании? Мы наблюдаем, что становится пророческой та критика, которая была высказана в 2004 г. профессором Барриосом (Barrios) на Latinoамериканском конгрессе по философской практике и философскому консультированию: «Говоря начистоту, самое первое и явное упущение, которое я вижу в философской практике, заключается в отсутствии в ней философии (la falta de filosofía). Иными словами, я не наблюдаю скрупулезной работы с понятиями, категориями и знаниями, исторически заслужившими звание философских, но с другой стороны вижу подмену их рядом крайне упрощенных и отвлеченных философем, которые каждый трактует и использует ad libitum» [12, p. 308].

1.2. Выводы, внушающие надежду: «прикладная философия» логической аргументации

Опасения, высказанные выше, могут привести к тому, что наши принципы не будут восприниматься всерьез, если вся «прикладная философия» будет низведена до уровня эффективных методик, а также, если мы не будем владеть теорией дисциплины или же плохо ориентироваться в библиографии данного вопроса. Необходимо сбалансировать предыдущую точку зрения более полноценными взглядами на «прикладную философию». Начнем с определений основных понятий.

«Прикладная философия» — это процесс концептуализации и/или освещения ряда наиболее актуальных, ключевых «жизненных проблем». Целью этого является развитие мыслительной деятельности и работа над достоверностью содержания мысли, а результатом — достижение душевной гармонии¹.

Термин «концептуализация» отталкивается от эпистемологических структур, за-

явленных в «Рассуждении о методе» Рене Декарта, в работе Джона Дьюи «Как мы думаем», в «Способах использования аргументации» Стивена Тулмина, «Принятии решений» Фридриха Шика, либо от рассуждений представителей оксфордской школы, к примеру, Стивена Тулмина, о перформативном характере слова. Указанный выше термин подчеркивает намерение развивать мышление до тех пор, пока оно составляет основу активности субъектов, и таким образом совершенствует их идеи за счет их расширения, акцентуации, заострения внимания на том или ином смысле. Руководствами по этой работе является книги по неформальной логике Джонсона и Блэра [36], Гувье [30], Гарсия Дамборенеа [29], Капальди [17]; наряду с такими классическими работами как «Аналитики» (первая и вторая) Аристотеля и «Трактат по аргументации» Хаима Перельмана.

Наше описание созвучно концепциям логической аргументации, изложенным теоретиками «прикладной философии», такими как Уоррен Шиблз (Warren Shibles). Он пишет следующее: «В то время как философы-практики могут различаться по методам и теоретическим платформам, например, аналитической или экзистенциально-феноменологической, тем не менее, в своей деятельности они, как правило, делают акцент на: (1) изучении аргументации и суждений клиентов; (2) объяснении, анализе и определении важнейших терминов и понятий; (3) демонстрации и исследовании основных гипотез и логических смыслов; (4) выявлении конфликтов и несоответствий; (5) исследовании традиционных философских теорий и их значения для потребностей клиента, (6) а также на все прочие исторически относящиеся к философии виды деятельности» [59, p. 51].

Опираясь на свою дискурсивно-концептуальную методологию, Оскар Бренифье делает вывод, что «прикладная философия» концентрируется на способности критического мышления идентифицировать (определять границы того или иного явления реальности), анализировать или выявлять проблему (устанавливать различия между понятиями и подвергать критическому анализу идеи) и концептуализировать (именовать то или иное явление реальности) [16, p. 43—44]. Несколько лет назад Питер Раабе озвучил свой интегрированный метод, состоящий из четырех этапов [52, p. 129—166, 273—274]: «Первый этап: свободное плавание; второй этап: определение проблемы; третий этап: обучение как осознанное

¹ Мы не можем останавливаться на этом определении более подробно, но заинтересованный читатель может обратиться к следующим работам: «Разрешение споров, касающихся прикладной философии и посредничества» (Resolución de conflictos desde la Filosofía Aplicada y desde la Mediación) [8], «Введение в прикладную и клиническую философию» (Introducción a la Filosofía Aplicada y a la Filosofía Clínica) [11] и «Прикладная философия с учетом герменевтики аналогии» (La Filosofía Aplicada según la Hermenéutica Analógica) [15].

действие; четвертый этап: выход в трансцендентное». Более детально эти идеи излагаются в его работах «Вопросы философской практики» [53] и «Роль философии в консультировании и психотерапии» [54], где он анализирует особенности мировосприятия, ценностей и систем мышления, используя инструментарий Шиблза применительно к истории развития этих особенностей. Третий этап методологии Раабе, по сути, представляет собой рациональную профилактику для нейтрализации конфликтов, ввиду того, что консультанты используют базовые навыки критического мышления как основу своей работы¹.

Независимо от французского и канадского ученых, идеи которых представлены выше, Лу Маринофф описывает три фактора, которые характеризуют проблему: во-первых, эмоции (вотчина психологии), во-вторых, патологии (область ответственности медицины и психиатрии) и в-третьих, знание, мышление и культура (поле деятельности философии) [48, р. 96]. Психические расстройства биологического происхождения относятся к психиатрии, расстройства, базирующиеся на эмоциях, — к психологии². Третья группа касается концептуальных проблем, представленных в этических и эпистемологических дилеммах, что является прерогативой философа, который вырабатывает свои специфические методы на основе формальной и неформальной логики в купе с историко-философскими знаниями, полученными в ходе специальной философской подготовки.

Исходя из такой методологической структуры, природы философского дискурса, логики и аргументации, ряд авторов предложили техники в русле утилитарного метода, где критическое мышление используется лишь как инструментарий, а не как целостная система. К примеру, Тим Лебон предла-

гает метод принятия решений «Прогресс»³, метод создания и отбора ценностей (*RSVP*) (*Refined Subjective Values Procedure*), «метод Чарльза Дарвина» [42, р. 77—80, 149] в работе «Навстречу мудрому принятию решений», написанной совместно с Дэвидом Арно [3]. Хорхе Диас выделяет проектный метод (вдохновленный идеями Мариаса и Ортеги-и-Гассета), суть которого состоит в осуществлении жизненных проектов и помощи субъекту в достижении счастья [21, р. 201]. Метод Краймера, также представленный в ранних работах Рана Лахава, предполагает следующие этапы: (1) разбор аргументов и суждений, (2) уточнение и анализ терминов и понятий, затронутых в проблеме или вопросе, (3) демонстрация имплицитных положений и логических противоречий в речи клиента, (4) изучение проявления философских теорий в свете жизненной философии и профессиональной деятельности клиента.

Подобный сценарий повторяется в «философии для детей». В качестве краткого итога приводим сопоставительную таблицу Карлы Каррерас [18, р. 99] (с. 49).

Эухенио Эчеверриа (*Eugenio Echeverría*) повторяет эту схему, упоминая среди практических действий следующие: приводить доводы; различать ложные и истинные доводы; делать умозаключения и сопоставлять доводы; обобщать и использовать аналогии; обозначать, подвергать сомнению и доказывать предположения; выявлять несостоятельные аргументы; обосновывать; сопоставлять и противопоставлять (часть / целое, средства / цели, причина / следствие); задавать вопросы и ставить задачи; дискутировать с учетом интересов всех участников; уметь слушать других; прогнозировать, формулировать гипотезы и проверять их; приводить примеры за и против; корректировать собственную точку зрения; формулировать и использовать критерии; обнаруживать неясности и противоречия; доказывать; принимать во внимание все релевантные суждения; обладать открытым мышлением и воображением; развивать смелость мышления, скромность, терпимость и настойчивость; всеми средствами искать истину; использовать корректные

¹ Я помню дружелюбное отношение ко мне профессора Раабе, когда почти двадцать лет назад я спросил его о том, как можно овладеть философской практикой как профессией. В ответ он посоветовал мне две книги о критическом мышлении и показал, как это можно применять в ходе консультаций.

² Питер Раабе возражает против такого взгляда в своей последней книге, высказывая мысль о том, что психотерапия, психоанализ и разговорная терапия посягают на поле философской деятельности. В качестве примеров он рассматривает логотерапию Виктора Франкла, рационально-эмотивную терапию Альберта Эллиса и даже психоанализ. Согласно Раабе, все они являются продолжением античных философских практик, их идей и методологии. В этих практиках философия рассматривается как «лекарство для ума и души (*psyché*)» [54].

³ Мы даем тщательный анализ каждого метода Лебона в работе «Введение в философское консультирование и ориентирование» (*Introducción al asesoramiento y la orientación filosófica*) [4, р. 145—161], а также в работе по аналитическому исследованию философского ориентирования с позиции критического мышления (*Análisis de la orientación filosófica desde el pensamiento crítico*) [5, р. 153—169].

Способности мышления

Способности к исследованию	Способности к анализу и созданию концептов	Способности к логическому суждению	Способности к интерпретации
Дают знания о мире	Организуют информацию	Расширяют область знаний исключительно с помощью разума (логики)	Излагают мысль, формулируют и применяют знания
Формулировать гипотезу; обнаруживать; наблюдать; находить альтернативы; предсказывать последствия; отбирать возможности; задействовать воображение и т. д.	Формулировать точные понятия; приводить примеры за и против; находить сходства и различия; сопоставлять и противопоставлять; давать определение; группировать и классифицировать; находить последовательность и т. д.	Находить и предоставлять логические доводы; делать умозаключения; рассуждать в зависимости от условий; мыслить аналогиями; устанавливать причинно-следственные связи; находить связи между целым и частным; сопоставлять цели и средства; оценивать и т. д.	Рассказывать, т. е. последовательно излагать и описывать; объяснять; импровизировать; переводить устную речь в мимику и наоборот; переводить речь в действие и наоборот; переводить на разные языки; подводить итоги и т. д.

методы; уважать людей и их точку зрения [23, p. 155].

Все это подтверждает необходимость глубокого исследования формальной и неформальной логики, эпистемологии, нефилософских навыков и других важных вопросов, которые рассматривались на протяжении всей истории развития философии.

1.3. Немного подробнее о методологии

Приведенные выше исследования подтверждают тщательное изучение предмета, несмотря на наличие ряда открытых вопросов, поставленных представителями других подходов в аналитической философии, которые необходимо дополнить с позиции континентальной (европейской) науки.

Приведенные выше концепции можно объединить вокруг их общего применения, пронизанного тенденцией сближения аналитического, концептуального и дискурсивного¹. Кроме того, необходимо уметь проводить границу между инструментальным и аналитическим применением дисциплины. В первом случае мы говорим о «филотерапии» («философотерапии») [38; 39], но носить имя подлинной философии может только та философия, которая также рассматривает критические аспекты мышления. В этом отношении, прогрессивные исследования Франкфуртской школы открыто демонстрируют, как практика философии может выступать в качестве нормализующего механизма. Как целый ряд терапий или действий в сфере оказания помощи, без

сомнения, полезных и для других целей, в философской практике консультант также не избегает вопросов страдания или тревоги. По мнению Хайдеггера [32] и Марии Самбрано [63; 65], в этом заключается суть поиска себя. Это утверждение революционно для ряда психологических направлений, но чуждо для многих философов-консультантов; между тем, глубокое знание о том, что привело Сократа и Сенеку к смерти, а других мыслителей к изгнанию, развеяло бы все сомнения. «Прикладная философия» предполагает смену парадигмы, что не просто, особенно, если учесть, что прежняя парадигма формировалась годами и налаживала связи с другими дисциплинами, которые от этого не становятся менее значимыми, просто они служат другим целям.

На данном этапе мы должны подчеркнуть, что цель «прикладной философии» не в том, чтобы решать проблемы, но в том, чтобы заниматься философией. Аналогично можно объяснить работу живописца: художник, как и философ, не претендует на преобразование общества, но делает то, к чему расположена его личность, творит *ars gratia artis*. Это не мешает в процессе творчества также получать терапевтические *результаты* и решать личностные проблемы, созерцая картину, или в ходе семинара, основанного на работах Кьеркегора, хотя изначально цель этого творчества не ограничена только терапией. Это важно при разграничении, например, семинара по «философии для детей» и конференции по педагогике. Первый претендует на развитие мыслительных навыков, вторая стремится решить проблемы взаимоотношений в группе; первый — ставит под сомнение сам вопрос и таким образом находит ответ, вторая — воспринимает вопрос как аксиому и ищет ответы на него в четко установленных границах дисциплины.

¹ Аналогичная тенденция наблюдается также в «философии для детей», описанная мной в статье «Получение опыта как ответ на аналитическую тенденцию в философии для детей» [10, p. 519—542].

Кроме аналитико-дискурсивной, какие еще методологии углубляют философскую составляющую? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно обратиться к истории философии. Современная наука о мышлении включает в себя феноменологию (в том числе постмодернистскую и социальную), герменевтику, экзистенциализм, витализм, персонализм и критическую теорию. Каждая из этих ветвей представляет собой то или иное течение в философии, но их глубокое изучение приведет нас к выделению частных подходов: углубившись в феноменологию, мы откроем для себя трансцендентализм Гуссерля, метафизику Хайдеггера, феноменологию телесного Мерло-Понти, поэтику Самбрано, феноменологию события Романо, и это только часть из всего существующего. Если мы проделаем то же с герменевтикой, то увидим методологическую герменевтику Бетти, антропологически ориентированную онтологию Гадамера, деконструктивизм Йельских критиков (*Yale Critics*), основанный на размышлениях о культуре Дильтея или Кассирера.

Каждый из подходов в той или иной мере способствует углублению восприятия или понимания. К примеру, классическая феноменология Гуссерля претендует на постижение *эйдоса* понятий и терминов, которые различные научные дисциплины скрывают под покровом объективности. С другой стороны, работы, посвященные хайдеггерианству, разрывают связи с субъектом ради идеи, что реальность проявляется сама по себе через мистический «взгляд в себя» (*insights*), наподобие того, что мы видим в работах Майстера Экхарта. Организация семинаров (или философских групповых проектов, включающих ряд встреч), посвященных данной проблематике, требует (1) многолетнего изучения всей глубины философской мысли и знания всех течений, на которых она базируется (2) способности к синхронизации с группой или человеком, пришедшим на встречу, для соединения философской базы и уникальных реалий самого семинара (3) творческого начала для персонального подхода к группе или человеку. Эти условия не являются исчерпывающими, хотя они могут «отсеять» из философской практики, например, некоторых врачей или психологов. Эти условия предполагают обязательный минимум общего университетского образования, два года магистратуры и последующую аспирантуру. Таков путь профессора философии в Испании или соискателя степени доктора наук¹.

¹ Возможно, эти ограничения отпугнут часть аудитории, хотя, чтобы не исключать ряд ученых из

Не претендуя на роль гонителя псевдофилософов, мы лишь хотим подтолкнуть их к более глубокому познанию этого увлекательного мира, который не исчерпывается поверхностным изучением дискурсивных техник. Одно из решений кажется нам наиболее перспективным для предотвращения дальнейшего появления псевдофилософов. Лицензированные философы или выпускники соответствующего факультета, могли бы проходить практическое обучение, во время которого они могли бы *применить* свое знание. Иными словами, другие люди или группы могла бы стать для них «полевыми условиями» для расширения и углубления полученного образования. Подобное обучение помогло бы им в дальнейшем в проведении семинаров и мастер-классов, а также в более эффективном обучении психологов и педагогов, которые запишутся на эти мероприятия. В отличие от этого сейчас специалисты из других областей без знаний истории философии, ее концептов и «взгляда изнутри» учат проводить специализированные мастер-классы по «прикладной философии». Обучение в течение нескольких месяцев вряд ли научит псевдофилософа тому, что студент изучает в течение 4—5 лет. Тем не менее, этого времени будет достаточно, чтобы относительно глубоко познакомиться с философией Рорти (или Декарта, Аристотеля, Платона) и применить на практике в ходе семинаров знания о рортианской риторике, картезианстве, учении Платона и Аристотеля. Подобное обучение аналогично психологическому, которое проводится в течение семинара в культурном центре, и которое, конечно, не научит психологии, но покажет применение психологических техник, например, для обретения уверенности в себе. Таким образом, профессиональная подготовка философа необходима, чтобы он обучал не столько техникам и инструментам, сколько помогал постичь суть

лагеря философии, возможно введение уровней, как в психологии. В Испании только тот считается психологом, кто получил высшее профильное образование, а потом закончил магистратуру. Без сомнения, есть учителя начальной школы, которые преуспевают в психологических методиках. Однако преподаватели автоматически не считаются психологами только потому, что они могут использовать методы психологии в педагогике. «Прикладная философия» может сделать то же: предоставить возможность обучения тем, кто хочет стать профессионалом и организовать курсы для специалистов, которые могут полноправно использовать философские техники в своей работе. Очевидно, что только обладатели достаточных знаний и методик в области философии, могут именоваться философами-практиками.

философии, которая, в силу своей прикладной природы, также подразумевает (хотя это и не главное) некие практические навыки.

Возвращаясь к вопросу из эпиграфа, суть философских практик для подготовки специалистов может включать в себя два элемента: (1) содержание: понятия, термины и философские теории; (2) прикладной аспект: самореализация в контексте того или иного философского течения.

2. Практическое приложение философии

Начнем с гипотезы о тройственной природе философии: теоретической (*Theoretical Philosophy*), практической (*Applied Philosophy*) и прикладной (*Philosophical Practice*). Первая отвечает за дисциплины, связанные с такими разделами философии, как метафизика, герменевтика, эстетика, логика, эпистемология и история философии. Практическая философия традиционно относится к исследованиям, связанным с этикой и политической философией, точнее с ее подразделами: деловая этика и биоэтика, этика окружающей среды, нормы этики по отношению к животным и социальная философия. Некоторые темы являются пограничными: и эпистемология, и этика могут входить в философию техники или философию феминизма. Наконец, мы переходим к «прикладной философии». В отличие от предыдущих областей, «прикладная философия» не предлагает готовых ответов и знаний, но претендует на терапевтическую помощь в отношении отдельных лиц или групп посредством связи философии с жизнью и использовании методов критического мышления. Цель этой области философии — не столько рассказать о точке зрения Мерло-Понти, сколько помочь взглянуть с позиции Мерло-Понти на беспокоящие обстоятельства. Таким образом, субъект философии переживает обновление, иными словами, в ходе семинара он осуществляет себя не как набор определенных структур, но как проект, желающий в течение мастер-класса испробовать на себе и применить к своей жизненной ситуации образ мыслей Мерло-Понти (или мыслить по-портиански, или как хайдеггерианец, или как последователь Аристотеля). Подобный опыт открывает для слушателя новый уровень восприятия и подготавливает его к дальнейшему самостоятельному решению проблемы (хотя это не является самоцелью).

«Прикладная философия» не строит и не разрушает преграды между человеком и его беспокойством, но озвучивает их в кон-

тексте социума, четко осознавая при этом важность критического аспекта, который присущ философии в целом. В данном случае необходимо глубокое знание теоретической и практической философии, хотя этим «прикладная философия» не ограничивается, скорее, это знание выступает отправной точкой. Методология дополняется комментариями к текстам и логическим анализом рассуждений философов — представителей «канонических» теорий. Чтобы прояснить суть этого процесса «прикладной философии», приведем несколько примеров.

Итак, семинар (или аналитическая консультация) ставит своей целью развить критическое мышление. Развитие этой способности понимается как совершенствование мыслительной деятельности участников сессии через такие действия, как оценка их аргументации, анализ используемого языка (его денотативного, коннотативного аспекта и эмоциональной окраски), использование критериев истинности, избегание заблуждений и ошибок в анализе, правильная формулировка понятий и определений, изучение приведенных гипотез, аккуратность в познавательных методах (индукция, дедукция, рассуждение по аналогии, абдукция) и другие элементы, указанные в таблице Карлы Каррерас. Философская сессия (семинар) должна начинаться с темы, вопроса или проблемы, актуальной для присутствующих (в случае групповой работы) или вопроса консультации (в случае индивидуального занятия). Темой обсуждения может быть вопрос (философское кафе), новость или событие (семинары по рациональному анализу общества), либо вопрос, основанный на прочитанном актуальном тексте («философия для детей»). Далее начинается диалог, целью которого является не готовый ответ на вопрос или окончательное решение проблемы, но совершенствование аналитического мышления участников, к примеру, навыков аргументации. Стоит отметить, что подобные упражнения могут привести к решению проблемы или дать ответ на вопрос, однако их цель выходит далеко за рамки данного результата.

Например, в разных странах мира проводились два семинара по следующим темам: «Что такое хороший вопрос» и «Кто такой хороший человек». Организовывался полукруг из сидящих в один ряд участников, так, чтобы их взгляды сосредотачивались на доске и философе. Философ опрашивал собравшихся и записывал на доску их идеи о «хорошем вопросе» или «хорошем человеке». Спустя две минуты он просил выбрать

лучшее. Еще через минуту просил выбрать лучшее из уже выбранного. Начиная с этого момента, запускался процесс сопоставления «лучшего» и «худшего» вопроса или человека с позиции различных критериев. Доску с темой семинара делили на две части. В левой части (70 % доски) писались «лучшие» и «худшие» вопросы каждого добровольца. Сначала анализировались критерии сравнения, используемые отдельным участником, а потом этот процесс распространялся на всю группу. Философ-практик занимал правую часть доски и писал там только одно ключевое слово, критерий — то, что определяло иерархию вопросов. Каждому участнику, предлагавшему свои критерии, было дано время для размышления. В конце занятия использовались также методики децентрирования (*descentramiento*) субъекта, когда участник играл роль другого человека (например, предлагалось подумать над вопросом «почему профессор логики счел бы первый вопрос лучше второго?»). В случае если кто-то из участников расставлял приоритеты в вопросах в обратном порядке по сравнению с предложениями говорящего, философ просил этих участников поменяться местами и разработать новые критерии. Когда этот алгоритм начинал повторяться, философ вводил дополнительные данные, чтобы подстегнуть дальнейшую мыслительную деятельность участников. Например, он предлагал говорящему отстаивать противоположную точку зрения и обосновать с этой позиции тезис, когда «наихудший» вопрос мог бы стать «наилучшим». Мы не будем описывать здесь весь семинар, а ограничимся лишь обозначением основных действий, которые выполнялись при сопоставлении вопросов: формулировка и объяснение критериев; выдвижение гипотезы; изложение предположений; избегание неопределенности в формулировке идей или их излишней запутанности; переформулировка идей; постановка вопросов, как другим участникам, так и самому себе; прояснение своей и чужой позиции; использование идей другого человека как отправной, промежуточной или конечной точки собственных мыслей; понимание различных модальностей дискурса (перформативной, информативной, описательной); использование техники принятия решений в процессе выбора; опровержение собственных и чужих взглядов и т. д. Примерно через час координатор устанавливал новый формат работы: (1) нужно дать определение «хорошего вопроса», но не обращая к тому, что уже написано на доске, а на основании

того, что выработано в ходе индивидуальной работы, (2) нужно сформулировать этот «хороший вопрос». При наличии дополнительного времени, группа может в конце работы дать свою рефлексию по поводу тех или иных аспектов семинара.

В качестве второго примера можно привести серию встреч, которая была организована нами в виде экспериментального проекта «Мудрость» (*W3P*)¹, и в дальнейшем его расширенной версии, которая стала основой для эксперимента в тюрьмах, — «Боеций» (*BOECIO*). Данный вариант оценивал функциональную эффективность «прикладной философии» среди более чем 500 заключенных из разных стран, находящихся в нескольких латиноамериканских тюрьмах Бразилии, Мексики, Перу, Эквадора, а также Испании. Целью проекта было стоическое осмысление человеческой природы (*fysis*), логоса (*logos*) и этоса (*ethos*), а также управление эмоциями (сочетание *fysis* и *logos*) вместе с продвижением критического мышления (*logos* и *fysis*). Как следствие, этот эксперимент способствовал исследованию этических, эпистемологических и экзистенциальных аспектов человеческого существования. Последний (экзистенциальный) аспект мог быть реализован либо благодаря полному слиянию с универсумом (*reubicación en la totalidad*), либо через определение своего места в мире — индивидуального, межличностного, социального и универсального (космического). Таким образом, цель этого проекта состояла не столько в том, чтобы перенять стоический образ жизни, сколько в том, чтобы понять, как философия может *стать* частью нас самих, образом нашей жизни². Программа состояла из ряда встреч на тему стоицизма, в течение недели, либо — в случае с проектом *BOECIO* — в течение шести месяцев.

¹ Проект W3P (Wisdom Philosophical Practice Project) финансировался фондом Джона Темплтона, проводился под управлением Хосе Баррьентоса и охватывал группы философской практики в Норвегии, Мексике, Хорватии и Испании. Целью проекта был анализ эффективности «прикладной философии» в этих странах и, в частности, ее возможностей для улучшения познавательных, эмоциональных и рефлексивных способностей.

² Здесь использовалась герменевтика аналогии (*hermenéutica anagógica*), как это объясняет профессор Антон Пачеко (Antón Pacheco) в своей работе «Бытие и символы» (*El ser y los símbolos*) [2]. Согласно ученому, образ жизни (*modi vivendi*), образ бытия (*modi essendi*) и образ интерпретации (*modi interpretandi*) находятся в неразрывной связи, иными словами, понимание возможно только в том случае, если участник меняется сам (хотя бы на время проекта).

Метафора, лежавшая в основе всего проекта, переносит нас в мир идей Сенеки, согласно которому философия — это тренировка души, призванная мобилизовать все силы и способности, чтобы противостоять превратностям жизни. Эта тренировка подразумевает физические упражнения (нужно ходить в спортивный зал, где на каждой встрече формулировались и осуществлялись упражнения из философской практики стоицизма; например, приготовление к худшему (*praemeditatio malorum*), изучение репрезентаций (*re-presentación*), тренировка парресии (*parrhesia*) посредством ведения дневника, включенного наблюдения и т. д. Каждая встреча имела четкую структуру, состоящую из следующих частей:

1. Обзор результатов предыдущих встреч с акцентированным вниманием на трудности и достижения.
2. Формулировка задания на день в контексте стоицизма с использованием отрывков философских источников. Объяснение сопровождается подробным обсуждением, в котором участники делятся своими сомнениями, переживаниями и идеями.
3. Объяснение задания в предельно конкретной форме, чтобы каждый участник понимал, как действовать каждый день до следующей встречи.
4. При необходимости, демонстрация действия (или в реальном виде, или на примере).
5. Медленное чтение философского текста для его глубокого понимания (подходящего по смыслу задания).

Третий пример. Проводятся семинары (или ряд встреч), на которые автора статьи вдохновили те или иные философские идеи (из области логики, этики, эстетики) или то или иное философское течение. В этой связи философу необходимо определиться с основными целями, чтобы понять на какие философские концепты опереться и в какую структуру их выстроить. Это является основой для дальнейшей работы, которая позволяет группе приобщиться к образу мыслей философа, не теряя связи с условиями собственного существования. Это способствует повышению философской образованности участников дискуссии, приобщает их к более тонкому, глубокому и критическому взгляду на мир и на самого себя. Представим, что мы проводим семинары, основываясь на теории Марии Самбрано. Ход мастер-класса может постепенно колебаться от «герменевтики анагогии» (*hermenéutica anagógica*) до познания опыта [43]: эписте-

мология утверждает, что накопление знания не происходит с помощью интеллектуальных усилий, но исключительно с опорой на жизненный опыт. Так как эта теория знания основывается на получении «доказательств» [66, р. 69], а не только на словесных логических выводах, то предполагаются задания, которые в ходе занятия и в дальнейшем развивают тему, но выводы должны иметь экзистенциальный вес, иными словами, основываться на ключевых ситуациях из жизненного опыта. Обсуждение становится более тягучим и медленным в отношении диалогов, где взаимодействие не соответствует вышеперечисленным условиям, однако эта норма тренирует участников в соответствии с идеями Самбрано. Аргументы будут разрабатываться на последующих семинарах, основываясь на глубинных переживаниях опыта, на полном погружении [6, р. 917—968] и отрешенности (*exilio*) (понятие, которое не синонимично опыту бегства и изгнания) [6, р. 396—397]. Эти семинары дают материал для работы, которая заняла бы не меньше месяца. В дальнейшем, могут быть разработаны другие понятия, такие, как «смирение» (*humildad*) (аналогично образу Нины из «Милосердия» Бенито Гальдоса) [61, р. 137—160], типы слов («невнятность», «зарождение», «прояснение» (*balbuciente, naciente, auroral*)), «вглядывание» (*mirada*) [6, р. 715—749] или «вслушивание» (*escucha*) [6, 652—656]. Упражнения¹ базируются на стратегической идее Самбрано: «Философствовать — значит расшифровывать изначальное ощущение».

Пример четвертый. Можно несколько ограничить источник идей для деятельности. В этом случае семинары основываются исключительно на одной философской работе или на одном авторе. Например, можно использовать фрагменты из «Рассуждения о методе» Декарта, рациональную схему аргументирования из «Способов использования аргументации» Стивена Тулмина, или анализ идей из книги «Как мы мыслим» Джона Дьюи, чтобы проанализировать тот или иной довод. Мы особо подчеркиваем, что подобный подход не означает уменьшения доли философии в методологии, поскольку цель состоит в том, чтобы участники постигли всю глубину философской идеи, заключенной в тексте, а не только ее отдельные аспекты, связанные с «прикладной философией». Таким образом, данные

¹ Мы отсылаем заинтересовавшего читателя к сотням подобных упражнений, которые мы разработали и описали в нашей докторской диссертации [6, р. 1146—1236].

семинары осуществляют свое метафизическое призвание: участники примеряют на себя идеи еще одной личности в контексте исторического времени, а не просто получают быстрый доступ к инструментам аргументации без привязки к данному историческому контексту. Если руководствоваться такой целью, то становится понятно, почему изучение философии «в ее вселенной» (*en su universo*) так важно, едва ли не важнее, чем понимание ее практической пользы. Возвращаясь к нашему четвертому примеру, следует отметить, что в ходе своих семинаров, я формулировал тему в виде острых актуальных вопросов, таких, как независимость Каталонии, легализация однополых браков, эвтаназия и т. д. с использованием критического анализа произведений разных авторов. Упражнение включало в себя следующие этапы:

1. Определялись элементы выбранного рационального метода, чтобы прийти к его полному пониманию, включая источник метода и последующую работу. Задание заключалось в понимании цели автора книги, причины, обусловившей появление метода, а также тех явлений или подходов, которыми этот метод противопоставлялся (например, борьба картезианства против догматической, не аргументированной традиции).
2. Концепты из первого пункта соотносились с конкретным материалом (новость или событие). В случае работы Тулмина приводились доказательства, данные, свидетельства, причины, измерения и случаи исключения для каждого аргумента [60, р. 96—145].
3. Процесс требовал, чтобы участники находились в постоянной обратной связи с философом, с тем, чтобы в дальнейшем оценить рабочий процесс, дать рефлексию изнутри рабочей группы.
4. В случае большой аудитории, участники делились на подгруппы. Каждая из них анализирует новость или событие, используя определенный подход в гносеологии (Декарт, Дьюи, Тулмин) с целью сопоставить и найти различия процесса анализа в итоговом обсуждении.

Форматы семинаров можно модифицировать и умножать *ad libitum*. Качество каждого из них, как и занятий по философии, зависит от глубины знаний философа-организатора, от того, насколько аккуратно адаптируются модели мышления (без искажения смысла),

чтобы процесс философского анализа не потерял своего качества по сравнению с глубокой мыслью автора. Ведь упрощенные подходы связаны с риском сведения всего многообразия к единому знаменателю и схематизму, как и в проведении аналогичных семинаров, так и учебных занятий. В этом случае может возникнуть принципиальный вопрос об исчезновении в этом всё сути философии. Избежать этого можно, если надлежащим образом адаптировать философские концепции, сохраняя их глубину, исходя из хорошего знания истории философии.

Еще одно важное замечание. Философские упражнения относятся в равной степени, как к групповой работе, так и к индивидуальным консультациям. Какие-то решения могут казаться простыми, вроде предложения разведенной женщине, которая не может оставить мысли о бывшем супруге, снять обручальное кольцо, или совета предпринимателю с повышенной тревожностью и ночной тахикардией записывать свои мысли. Без сомнения, основа для данных подходов более фундаментальна, чем кажется на первый взгляд: во-первых, мы работали с символическим рационализмом в комплексе с философскими идеями Маурисио Бехо (*Mauricio Beuchot*) [14], Эрнста Кассирера [19], Дюрана [22] и Норберта Элиаса [24]; во-вторых, в основу данных подходов была положена эпистемология слушания и принятия, которая, кроме упомянутых выше идей Марии Самбрано, также охватывает эпистемологию хайдеггеризма, теорию осознанного слушания реальности субъекта вместо навязывания ему своих смыслов (говоря словами Иоганна Шеффлера (Ангелуса Силезиуса) «роза существует без “зачем” и “почему”, она цветет, потому что она цветет»¹) и *amor fati* Ницше.

3. Условие опыта в «прикладной философии»

Принимая во внимание аргументы, изложенные в ряде работ [10; 11; 15], на протяжении нескольких лет я разрабатывал теорию «прикладной философии», основанной на опыте. Ее результаты носят не только когнитивный характер (менять / критически анализировать идеи), но оказывают влияние на всю личность в целом (трансформация личности). У философии опыта есть

¹ «Не спрашивай у роз, в чем тайна их цветенья, Они цветут — и всё, без смысла, без значенья» (Ангелус Силезиус. Херувимский странник / пер. с нем. Н. О. Гучинской. СПб.: Наука, 1999. С. 123) (*прим. переводчика*).

разнообразные интеллектуальные предшественники. Один из них, Китаро Нишида (*Kitaro Nishida*), основатель философской школы в Киото, отмечает, что «в момент появления на свет чистого опыта не существует противопоставления субъекта и объекта, нет места разделению на знание, чувство или волеизъявление; единственное, что имеет место — это действие, независимое и самодостаточное» [50, р. 90]. Опыт (переживание чего-либо) состоит в «состоянии познания, когда субъект и объект растворены в единой целостности мысли, чувства и воли, и это является подлинной реальностью» [50, р. 95]. Исходя из этого, «прикладная философия» опыта приносит свои плоды не только на уровне сознания. Она также предотвращает когнитивный диссонанс между мыслимым, желаемым и ощущаемым, так как «не существует пропасти между намерением к действию и его воплощением» [50, р. 46]. Следовать этому пути — значит продвигаться в изучении предмета.

Воплощение этой идеи в жизнь зависит от выполнения ряда упражнений, которые обладают герменевтическим потенциалом онтологического характера. Представим, что нам необходимо донести до ребенка, который не любит утруждать себя, ценность труда, притом, что время ограничено, допустим, родитель находится на смертном одре. Мы опасаемся, что если наши слова будут звучать как проповедь, это воспримется как бред агонизирующего и не проникнет в сердце отпрыска. Несмотря на согласие, которое он непременно выразит, эти слова умрут вместе с говорящим. Альтернативой является знание, полученное путем опытного упражнения. Вот как описывает это Вальтер Беньямин: «В нашем сборнике рассказов есть легенда о старике, который, будучи на смертном одре, поведал сыновьям, что в их винограднике скрыты сокровища. Их надо всего лишь выкопать. Сыновья сделали, как он велел, но не нашли сокровищ. Естественно, с приходом осени, виноградник дал больше урожая, чем обычно. Следовательно, их отец подарил им опыт: благословение не в золоте, но в трудолюбии» [13, р. 167].

Жизнь сталкивает нас с обстоятельствами, одни из которых тут же забываются, в то время как другие оставляют свой отпечаток на всю жизнь, определяя наши главные поступки, направление нашего развития и даже нашу суть. К примеру, рождение ребенка и его воспитание трансформирует наше «я» из роли «сына» в роль «родителя»; это рождение станет этапом нашей жизни, который останется в памяти и из-

менит нас навсегда. Этот эффект отличается от того, когда нам лишь «теоретически» (*discursivamente*) объяснят, что значит быть родителем.

Внедрение опыта меняет эффект «прикладной философии»: с ним гораздо выше вероятность изменений, происходящих в субъекте. Наличие опыта порождает *сценарии* и стимулирует необходимые процессы для трансформации. Далее мы очень кратко перечислим некоторые из них, а более подробно вы сможете прочитать о них в работе, которая, надеюсь, выйдет в свет через несколько месяцев¹.

Прежде всего, опыт соответствует *эпистемологии анагогии*. Это подразумевает знание как личное усвоение опыта, таким образом, мы можем утверждать, что познать что-либо возможно исключительно через синхронизацию с изучаемым объектом: любовь можно понять только испытав ее, только *становясь* любящим; свободу — *обретя* ее после многих лет заключения; зло осознается таковым только когда оно обращено на нас самих. Знать — значит обрести идентичность с познаваемым. Как красноречиво заметил Антон Пачеко, анагогия (опытное знание) подразумевает сочетание образа бытия (*modi essendi*), образа познания (*modi cognoscendi*) и образа интерпретации (*modi interpretandi*) [2, р. 151]. Анагогия есть процесс. Мистик достигает познания Бога и добивается в этом успеха при наличии мистического *опыта*: «Слово “анагогия” произошло от двух греческих корней: *ana* “вверх” и *agein* “вести”. Таким образом, анагогия является фактором, отраженным в явлениях, и сверх того — фактором поднимающим, направляющим к онтологии сути явления» [2, р. 168]. Онтология в религиозном контексте определяется связью с Богом. Данная связь требует, чтобы ее осознание происходило после проживания опыта, в ходе которого появляется отчетливое дискурсивное знание. Мартин Веласко (*Martín Velasco*) красноречиво описывает это: «Во всех религиозных традициях есть особые люди, мистики, которые в определенный момент признаются: “Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя” (Иов 42:5), “Как слышали мы, так и увидели” (Псалтирь

¹ В настоящее время мы заканчиваем книгу о «прикладной философии» опыта и еще одну о концепте опыта и опытности. Для более подробного раскрытия идей, изложенных кратко в этой статье, можно обратиться к следующим статьям автора: «Физиология опытного знания и результаты обладания им» [9] и «Выраженность опыта в контексте концепций Ортеги-и-Гассета и Самбрано» [7].

48:9). Это появляется в их речи в том случае, когда они хотят поведать, что пережили, и для этого обращаются к опыту своих слушателей, как неперемому условию понимания. «Кто увидел — тот поймет», — говорил Платон. «Кто не испытал этого, тот не сможет это полностью осознать», — поясняет Мартин Веласко [49, р. 290].

Второе. Доводы, присущие «прикладной философии» опыта, не сводятся к дискурсивным или логико-аргументированным концептам, но открывают доступ к альтернативным путям познания. Все вытекает из последовательной внутренней трансформации субъекта. В этом случае использование концептуальных доводов, логических и дискурсивных, не зависит от его способности делать выводы на основании логических игр. Напротив, логика создает противоречия, иницирует цепочку действий для противоборства субъекту и, как итог, его трансформации. Объясним это детальнее на двух примерах. Мария, консультируемая, 25 лет, пришла ко мне на сессию по поводу конфликтных отношений со своим избранником, несмотря на сильные чувства к нему. По ее словам, она имела несчастье влюбиться в неадекватного человека, потому что он не оказывал положительного влияния ни на нее, ни на ее дочь от предыдущего брака. В ходе первых консультаций она четко и обстоятельно рассказала об отрицательных сторонах и неудобствах, которые возникли в ее жизни. Наконец настал момент, когда, проследившая ряд поступков ее партнера, я осмелился применить свой «метод опыта» задав Марии вопрос: «Хорошо, а какие положительные черты этого человека вы можете отметить?» Она взглянула на меня с удивлением, словно я оговорился: «Вы хотели спросить об отрицательных чертах, не так ли?» Я повторил свой вопрос и подтвердил, что хочу знать все хорошее, что этот человек принес в ее жизнь: «Если у этого человека столько недостатков, но вы все еще поддерживаете отношения, значит, с вашей стороны должен быть какой-то интерес к нему». Это был первый раз в наших консультациях, когда вместо следования своей привычной линии мышления, благодаря лишь одному вопросу она смогла выйти за рамки того мыслительного пространства, в которое заключила себя. Целью моего вопроса был не столько ее ответ, сколько побуждение изменить ее образ мысли. По сути, я попросил ее представить мне список положительных качеств этого человека или ситуации в целом. Упражнение опыта базируется на том, что человек подвергает сомнению те

основания, на которых он выстраивает свои идеи, таким образом, смещая акцент с его привычного, линейного образа мышления и стимулируя экзистенциальные изменения. Иначе говоря, я постарался открыть для нее новые, неисследованные пути мышления. В итоге, моей целью было проанализировать возможность разрешения конфликта методом принятия бытия, используя термин Ницше, методом *amor fati*.

Именно этот метод я применил также к одному консультируемому из Мексики. Мигель, успешный предприниматель, договорился со мной о консультации через Интернет. Он испытывал сомнения и внутреннюю разобщенность из-за горького ощущения потери смысла существования. Его внутренние проблемы приобрели соматическое воплощение, когда ночью перед сном он начал испытывать приступы тревоги, вылившиеся в тахикардию. Я посоветовал ему следующее упражнение *prima facie* аналитическое, но с направленностью философии опыта: в момент особенно сильного приступа тревожности взять листок бумаги и ручку и подробно описать каждый элемент этого приступа, каждую малейшую эмоцию, каждую мысль и каждое намерение, возникающие в этот момент. Повторюсь, что целью этого задания было не просто составить подробный отчет о своем состоянии, но открыть самого себя: если ты должен досконально описать каждую ступень этого процесса, то ты вынужден открыться этому состоянию (которое отвергаешь) и принять его. Все отрицательное обретает полезное и необходимое назначение: в этом состоял процесс принятия тревоги, как одного из элементов нашего отношения к бытию, согласно Хайдеггеру. В отличие от ряда психологических терапий, мы не пытались полностью устранить тревожность как патологию, но научиться извлекать из этого пользу и даже осознавать ее необходимость для постижения подлинной природы личности. Отрицание проблемы только бы усугубило ее ввиду того, что Мигель просто отказывался «открыть дверь», за которой скрывалось решение. Его отказ выслушать то, о чем говорили ему его страхи, мешал ему осознать всю ничтожность человеческого существования (типичная ситуация для человека, находящегося на вершине успеха) и в конце концов препятствовал пониманию экзистенциального смысла существования (для которого необходимо осознавать не только свои лучшие, но и худшие стороны).

Часто упражнениям, основывающимся на опыте, придают ту или иную специфику эсте-

тические символы. Мария Самбрано предлагает свой аргумент, который не претендует на поиск нового содержания, но служит методом для более детального изучения: «Нам не помогут ни “новые принципы”, ни “реформа разума”, как утверждал Ортега в своих последних работах, скорее поможет нечто вроде разума, разум в более широком смысле» [62]. Василий Кандинский утверждает, что некоторые идеи и ситуации не требуют дискурса и слов для понимания, достаточно только линии и цвета [37]. Иными словами, как отмечает Дьюи, «художник реализует свою мысль посредством качественных способов, которые использует в работе, и его цели настолько близки к продуцируемому объекту, что на нем же и основываются» [20, р. 17], поскольку «каждое произведение искусства говорит на языке, который невозможно перевести на любой другой язык без существенного искажения смысла» [20, р. 119]. В таком случае, герменевтика опыта обращается к другим описательным контекстам, таким, как живопись или музыка¹. Если описание или повествование о проблеме отвечает интересам терапии (хотя, повторюсь, терапия не есть цель «прикладной философии»), она становится еще более успешной, когда описание осуществляется «настолько близко к продуцируемому объекту, что на нем же и основывается».

Далее. Философскую практику необходимо понимать как *путешествие (viaje)*². По-немецки это звучит как *Erfahrung*, слово с корнем *fahren*, то есть «путешествовать, отправляться» [7; 9]. Кроме того, *Erfahrung* происходит от *Gerfahr*, что означает «опасность». В испанском ему синонимично *peligro* с корнем опыта *per*, который объединяет греческие слова *peiro* (пересекать), *perao* (пройти через) и *peraino* (пересечь границу). Внимательный читатель возможно уже понял, что главная опасность, подстерегающая человека в работе с опытом, заключается в потере *самого себя* (как следствие пережитого опыта). Изменение личности подразумевает взгляд в бездну

¹ «Музыка Баха не несет в себе какой-либо мировой концепции; смысл вне музыки, но он заключен в ней дополнительно, бонусом, и он обладает почти бесконечным многообразием эпистемологических значений» [51, р. 86—87].

² Здесь также мы можем использовать метафору тренировки в спортзале (основы руководимого мной проекта ВОЕСІО, который был посвящен «прикладной философии» в условиях тюремного заключения и чем-то напоминал подготовку к марафону) или взросления (обретения совершенлетия). Обе метафоры близки к путешествию с акцентом на его главные свойства.

неизведанного и, согласно «симфонии Самбрано» (*la sinfonía zambraniana*), потерять, чтобы обрести. Следовательно, не каждый способен преодолеть это штормовое море. Выживание в этих беспокойных водах требует тренировки необходимых навыков: «нужна техника, комплексное знание — одновременно теоретическое, практическое и конъюнктурное — настоящее знание капитана, управляющего кораблем» [25, р. 87]. Вот в чем заключается гордиев узел опытного знания. Это нужно использовать во встречах, посвященных философии опыта: нужно не просто стремиться обрывать якоря, удерживающие от риска, но и избегать людей, которые сдерживают прогресс. По сути, было бы «невозможно прожить без определенной степени риска вплоть до потерь в процессе получения опыта, своего рода потеря объекта в дальнейшем и формирует его» [64, р. 18]. Джон Дьюи объясняет это с точки зрения эстетического познания, основанного на *опыте*: «Художник обязан быть экспериментатором, потому что он должен выражать сугубо индивидуальный опыт посредством инструментов и способов, принадлежащих всему миру. <...> Если вместо слова “экспериментальный” мы скажем “авантюрный”, то вполне вероятно получим одобрение общества, настолько велика сила слов. Поскольку художник ценит опыт сам по себе, без примесей, он будет избегать перегруженных, излишне насыщенных объектов, и это станет его крайностью. По природе своей она будет заключаться в неудовлетворенности существующим порядком вещей, как у путешественника-первооткрывателя» [20, р. 162].

Вознаграждение стоит того: формирование подлинной личности, самого себя. По словам Клода Романо, «человек есть преходящее существо» (*el humano es un ser viniente*), которое прибывает в этот мир и обретает свою самость (*ipseidad*) на основе отражения событий (опыта), которые происходят с ним [55]. Без этих событий и принятия их человеческое существо остается аморфным, лишенным формы и облика. Как утверждает Нишида, не существует опыта, который был бы порожден личностью, но всегда есть личность, сформированная опытом [50].

Четвертый пункт состоит в следующем: истинное знание, полученное в ходе семинаров по философии опыта, должно быть доказательным и весомым. Если дискурсивное мышление использует аргументацию для логически состоятельных выводов, то «прикладная философия» опыта не преследует цели обрести «совокупность знаний,

выкованных разумом, основываясь на истине или без оной, это скорее способность духа извлекать выгоду из сущего» [67, р. 189]: имеется в виду, что «формы уже обретенных знаний и знаний недавно появившихся, сливаются в нашей жизни в виде единого целого; что раньше не действовало, теперь начало работать» [66, р. 69]. Следовательно, критерий ценности действий обретается в их способности трансформировать личность: это доказательство «неизмеримо мало в интеллектуальном плане, но, вне всякого сомнения, воздействует на существование больше, чем какое бы то ни было глубокое и сложное умозаключение» [66, р. 69]. Обладание знанием, полученным через опыт, влечет за собой «преобразование моих возможностей и мира в целом, который проявляется через действие и таким образом показывает мне, чего недостает в моем личном приключении» [55, р. 51]. Это ключевой элемент в философских консультациях, которые не посвящены поисками идей или аргументации, для того, чтобы разрешить проблему, но которые нацелены на формирование *уверенности* или *ясности*, на основе которых строится новое существование, и которые (на последнем этапе) реализуют возможности герменевтики и онтологии, как бы находя с их помощью «выход из пещеры» [41].

Уверенность в себе укрепляет истинность, убежденность (в терминологии Ортеги-и-Гассета), необходимую субъекту для создания картины мира. Когда уверенность в себе и ясность во внешнем мире дают трещину, недостаточно сделать логическое умозаключение о возможном альтернативном смысле существования; напротив, крайне важно получить более весомое свидетельство о том, что пройденный путь стоит затраченных усилий. Для этого внутри нас должна появиться новая личность, которая сможет справиться с реальностью; раньше мы были к ней невосприимчивы, наподобие слепого, перед которым лежит купюра в пятьсот песо (*ciegos delante de un billete de quinientos pesos*). Возможность управлять самим собой, осознавать себя и свои новые способности жидется на мучительном процессе обретения нового опыта. Я хотел бы повторить цитату из Субири (*Zubiri*): «Опыт обозначает нечто, полученное в ходе реального и активного проживания жизни. Это не совокупность знаний, выкованных разумом, основываясь на истине или без оной, это скорее способность духа извлекать выгоду из сущего» [67, р. 189].

И наконец, «прикладная философия» опыта предполагает онтологический (мета-

физический) уровень, стоящий гораздо выше психологического, антропологического и личностного. В отличие от тех философов-практиков, которые фокусируются в своей работе на проблеме или действительности консультируемого, для нас это лишь отправная точка. Личность иницирует философию опыта, когда становится действующим лицом; аналогия вынуждает ее растворить собственную индивидуальность в переживаемой действительности, как было сказано выше, любовь можно понять только испытав ее, только *становясь* любящим. Знание о любви переходит от этапа «я знаю о ней» к этапу «я знаю о ней через себя» и достигает уровня осознания, где понятие «я» перестает быть центральным. Отсюда следуют очевидные результаты: если человек практикует философию опыта, то он учится сдерживать те эгоистичные черты, которые могут препятствовать свободному полету мышления (семинар не подразумевает какой-либо личной выгоды, он направлен исключительно на самопознание, посредством разных дискурсов, синергичной истины, рожденной ради нее самой). Если семинар проходит по тематике стоицизма, то всех участников пронизывает общий дух, питавший философов-стоиков. Если мастер-класс посвящен концепции Самбрано, то ключевое слово (его форма и суть), к которому все стремится, будет соответствовать первоначальной интенции поиска общего для всей группы инструмента, метода, пути. Таким образом, будет осуществляться прогрессивный онтологический переход, когда субъект теряет самодовлеющую силу и становится простым инструментом¹ проявления философского опыта.

Объяснение данного феномена встречается у разных авторов. К примеру, Михай Чиксентмихайи (*Mihály Csíkszentmihályi*) апеллирует к опыту как *потому*, где отдельно выделяются действие и личность, до того момента, пока второе не поглощается первым. Это особенно характерно для детской игры, рисования картин, написания книги или духовных практик. Во всех случаях действие руководит личностью, которая становится медиатором. Эту цель также несут в себе философские семинары; как отмечает Гадамер, «будь готов позволить *чему-то* противостоять тебе, даже если нет *кого-то*, способного это сделать» [28].

¹ Это характерно также для эстетического переживания опыта: «Художник должен пытаться преобразовать ситуацию в силу своего долга перед искусством и самим собой, но позиционировать себя не как главенствующего, но как ведомого намерениями свыше, которые неизмеримо ценнее, величественнее и священнее» [37, р. 103].

Еще одна работа, посвященная онтологии, говорит о секуляризации концепта «принадлежности субъекту» (*genitivo subjetivo*) Раймона Паниккара (*Raimon Panikkar*). Наличие опыта не означает дополнительное бремя, посланное Богом, скорее опыт начинает главенствовать и изменять человека с точки зрения герменевтики, эпистемологии и онтологии. На мистическом уровне Паниккар объясняет свою идею следующим образом: «Иными словами, мы можем трактовать этот феномен выражением “божественный опыт”, притом через субъективный генитив, не объективный. Это не мой опыт по отношению к Богу, напротив, это опыт Бога посредством моей личности, который я осознаю» [51, p. 78].

Растворение индивидуальности в ходе получения опыта парадоксальным образом влечет за собой формирование личности, а также ее экзистенциальное развитие и взросление. Самый первый и основной довод состоит в том, что без существования человек являет собой нечто без облика и формы. Подтвердим его еще раз. Нишида отмечает, что «наличие опыта не зависит от существования индивидуума, но личность существует благодаря опыту» [50, p. 59], равно как и Клод Романо объясняет это посредством событий, наполненных опытом, делающих нас живыми существами. Если мы не осмелимся взглянуть в лицо грядущим событиям, то останемся субстанцией без формы, либо окаменелостями из прошлого, без признаков жизни и перспектив для открытия нашей подлинной сути.

Резюмируя сказанное выше, следует еще раз отметить, что «прикладная философия» не зациклена на человеке, но направлена к цели обретения им опыта. Подобно тому, как слияние с произведением искусства или Богом открывает для субъекта всю глубину личности, обретение опыта (философского в нашем случае) дает для человека те же преимущества. Однако действие не станет субъективным без усилий в обретении опыта. Метафизика и эпистемология, открывая истинное и связывая его с результатами проделанной работы, на последнем этапе «просветляют» бытие опыта.

Подводя итог, если для Марии Самбрано «философствовать — значит расшифровывать изначальное ощущение», то «прикладная философия» опыта предполагает неразрывную связь опыта с субъектом, трансформирующим его в *Da-Sein*-опыт, или, если позволите, в *“Da-Erfahrung”*.

References

1. Amir L. (2018). Taking philosophy seriously. Newcastle, Cambridge Scholar Publishing Publ.
2. Antón J.A. (2010). El ser y los símbolos. Madrid, Mandala Publ.
3. Arnaud D., Lebon T. (2000). Toward Wise-Decision Making, *Practical Philosophy: The British Journal of Philosophical Practice*, no. 3 (3), pp. 55—64.
4. Barrientos Rastrojo J. (2005). Introducción al asesoramiento y la orientación filosófica. Tenerife, Ideapress Publ.
5. Barrientos Rastrojo J. (2006). Analítica de la orientación filosófica desde el pensamiento crítico. Aplicación de métodos y técnicas de pensamiento crítico y orientación racional a la orientación filosófica individual. Teoría y práctica, Sevilla, Universidad de Sevilla Publ.
6. Barrientos Rastrojo J. (2009). Vectores zambranianos para una teoría de la Filosofía Aplicada a la Persona. Sevilla, Universidad de Sevilla Publ.
7. Barrientos Rastrojo J. (2010). El rostro de la experiencia desde la marea orteguiana y zambranianiana. *Endoxa*, no. 25, pp. 279—314.
8. Barrientos Rastrojo J. (2010). Resolución de conflictos desde la Filosofía Aplicada y desde la Mediación. Madrid, Visión Publ.
9. Barrientos Rastrojo J. (2011). La fisiología del saber de la experiencia y los frutos de su posesión. *Themata*, no. 44, pp. 79—96.
10. Barrientos Rastrojo J. (2016). La experiencialidad como respuesta a la tendencia analítica de la filosofía para niño. *Childhood & Philosophy*, no. 12 (25), pp. 519—542.
11. Barrientos Rastrojo J., Packter L., Carvalho J.M. (2014). Introducción a la Filosofía Aplicada y a la Filosofía Clínica., Madrid, Aaci Publ.
12. Barrios Casares M. (2005). De la utilidad e inconveniente de la “filosofía para la vida”, en Ordoñez. *La filosofía a las puertas del tercer milenio*. Sevilla, Fénix editora, pp. 307—318.
13. Benjamin W. (1973). Discursos Interrumpidos I. Madrid, Taurus Publ.
14. Beuchot Puente M. (2013). Las dos caras del símbolo. Puebla, BUAP Publ.
15. Beuchot Puente M., Barrientos Rastrojo J. (2013). La Filosofía Aplicada según la Hermenéutica Analógica. México, Torres Asociados Publ.
16. Brenifier O. (2010). Filosofar como Sócrates: Introducción a la práctica filosófica. Valencia, Diálogo Publ.
17. Capaldi N. (2000). Cómo ganar una discusión. Para defender una causa, reconocer una falacia, descubrir un engaño, persuadir

a un escéptico, convertir la derrota en victoria. Barcelona, Gedisa Publ.

18. Carreras Planas C. (2013). Filosofía para Niños. El desarrollo global de las habilidades de pensamiento. *Filosofía para niños y capacitación democrática freiriana*. Madrid, Liber Publ., pp. 91—113.

19. Cassirer E. (1967). Antropología filosófica. Introducción a la Filosofía de la Cultura. Fondo de Cultura. México, Económica Publ.

20. Dewey J. (2008). El arte como experiencia. Barcelona, Paidós Publ.

21. Dias J. (2006). Filosofía Aplicada à Vida. Lisboa, Esquilo Publ.

22. Durand G. (1968). La imaginación simbólica. Buenos Aires, Amorrortu Publ.

23. Echeverría E. (2006). Filosofía para niños. México, Ediciones SM Publ.

24. Elías N. (1994). Teoría del símbolo. Barcelona, Península Publ.

25. Foucault M. (1990). Tecnologías del yo y otros textos afines. Barcelona, Paidós Publ.

26. Foucault M. (2009). Las palabras y las cosas. Tres cantos, Siglo XXI Publ.

27. Gadamer H.G. (1997). Mito y razón. Barcelona, Paidós Publ.

28. Gadamer H.G. (2000). Verdad y método. Salamanca, Sígueme Publ.

29. García Damborenea R. (2000). Uso de razón. Diccionario de falacias. Madrid, Biblioteca Nueva Publ.

30. Goviert T. (1997). A practical study of argument. Belmont, Wadsworth Publishing Company Publ.

31. Heidegger M. (1998). Caminos del bosque. Madrid, Alianza Publ.

32. Heidegger M. (2012). Ser y tiempo. Madrid, Trotta Publ.

33. Horkheimer M. (2000). Teoría crítica y teoría tradicional. Barcelona, Paidós Publ.

34. Horkheimer M. (2010). Crítica de la razón instrumental. Madrid, Trotta Publ.

35. Husserl E. (1982). La idea de la fenomenología. México, Fondo de Cultura Económica Publ.

36. Johnson R.H., Blair J.A. (1983). Logical self-defense. Toronto, Mac Graw-Hill Publ.

37. Kandisky V. (1996). De lo espiritual en el arte. Barcelona, Paidós Publ.

38. Lahav R. (2005). Philosophical practice: Normalization or inner transformation? Reflexión de 25 de Septiembre de 2005. Available at: http://www.geocities.com/ranlahav/PC_Reflection_1.html, último acceso 15 de febrero de 2007.

39. Lahav R. (2006). Small Philosophical Practice and Grand Philosophical Practice. *Philosophical Practice. From Theory to Practice*, no. X—XI, pp. 93—96.

40. Lahav R. (2018). Mexico ICCP 2018: The boundaries of philosophy. *Philopractice*, June 17. Available at: <https://philopractice.org/web/blog/mexico-iccp-2018-the-boundaries-of-philosophy>, último acceso 31 de julio de 2018.

41. Lahav R. (2018). Stepping out of Plato's cave. Vermont, Loyev books Publ.

42. Lebon T. (2001). Wise Therapy. Londres, Continuum Publ.

43. Maillard Ch. (1992). La creación por la metáfora. Introducción a la razón-poética. Barcelona, Anthropos Publ.

44. Mannheim K. (1997). Ideología y utopía. Madrid, Fondo de Cultura Económica Publ.

45. Marín Casanova J.A. (2010). Rorty y la Tradición: una Relación Ambigua. *Actualidad de la Tradición Filosófica*. Madrid, Diálogo Filosófico, pp. 859—866.

46. Marín Casanova J.A. (2011). Arreglándoselas con la tradición: Rorty y los usos del legado filosófico. *Pensamiento. Revista de investigación e Información filosófica*, no. 16, pp. 271—289.

47. Marín Casanova J.A. (2014). La filosofía de Rorty y el espejo de la retórica. *Pensamiento. Revista de investigación e Información filosófica*, no. 70 (262), pp. 149—176.

48. Marinoff L. (2002). Philosophical Practice. New York, Academic Press Publ.

49. Martin Velasco J. (2003). El fenómeno místico. Madrid, Trotta Publ.

50. Nishida K. (1995). Indagación del bien. Madrid, Gedisa Publ.

51. Panikkar R. (1999). Iconos del misterio. Barcelona, Península Publ.

52. Raabe P. (2001). Philosophical Counseling. Theory and Practice. Westport, Praeger Publ.

53. Raabe P. (2002). *Issues in Philosophical counselling*. Westpor, Praeger Publ.

54. Raabe P. (2014). Philosophy's role in counseling and psychotherapy. Rowman, Maryland Publ.

55. Romano C. (2012). El acontecimiento y el mundo. Salamanca, Sígueme Publ.

56. Rorty R. (1991). Contingencia, ironía y solidaridad. Barcelona, Paidós Publ.

57. Rorty R. (1996). Objetividad, realism and verdad. Barcelona, Paidós Publ.

58. Rorty R. (2002). Filosofía y futuro. Madrid, Gedisa Publ.

59. Shibles W. (2001). The philosophical practitioner and emotion. *Thinking through Dialogue*. Oxted, Practical Philosophy Press Publ., pp. 50—57.

60. Toulmin S. (1999). The uses of argument. Cambridge, Cambridge University Press Publ.

61. Zambrano M. (1938). Misericordia. *Hora de España*, no. 21, pp. 137—160.

62. Zambrano M. (1944). Carta de María Zambrano a Rafael Dieste enviada el día 7/11/1944. Disponible en Archivos de la Fundación María Zambrano.

63. Zambrano M. (1986). El sueño creador, Madrid, Turner Publ.

64. Zambrano M. (1990). Notas de un método. Madrid, Editorial Mondadori Publ.

65. Zambrano M. (1993). Claros del bosque, Barcelona, Seix Barral Publ.

66. Zambrano M. (1995). La confesión: género literario. Madrid, Siruela Publ.

67. Zubiri X. (1940). Sócrates y la sabiduría griega I. *Escorial*, no. 2, pp. 187—226.

68. Zubiri X. (1941). Sócrates y la sabiduría griega II. *Escorial*, no. 3, pp. 51—78.

For citing: Barrientos Rastrojo J. Philosophical practice as experience and travel // *Socium i vlast'* 2019. № 4 (78). P. 45—61.

UDC 101.8 + 101.9

PHILOSOPHICAL PRACTICE AS EXPERIENCE AND TRAVEL

Barrientos Rastrojo José,

PhD, Professor of the University of Seville, Seville, Spain

E-mail: barrientos@us.es

Abstract

In the article, the author provides an analysis of the basic concepts lying at the bottom of philosophical practice, which are similar in their application, and are imbued with the tendency of converging the analytical, conceptual and discursive. The author justifies the need for professional training of a practical philosopher, so that he/she not only learns techniques and tools but draw the meaning of philosophy itself. With several examples, the author shows the connection of philosophical content and the applied aspect of philosophical practice. Working with the experience of the subject enhances the effect of philosophical practice: experience corresponds to the anagogical epistemology; the philosophy of experience is not limited to discursive or logical-argued concepts, but provides access to alternative ways of knowledge; the philosophy of experience starts the process of consistent internal transformation of the subject; the philosophy of experience involves an ontological (metaphysical) level of comprehension of being, which is much higher than psychological, anthropological and personal.

Key concepts:

applied philosophy,
philosophical practice,
philosophical counseling,
critical thinking,
phenomenology of experience.